

Свами Вивекананда

О СЕБЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ГАНГА»

Свами Вивекананда О себе

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72008836

О себе / Свами Вивекананда; [пер. с англ.: А. Никулиной].: Ганга;

Москва; 2024

ISBN 978-5-907658-86-8

Аннотация

Мистик, пророк, монах, Гуру, проповедник, Парамахамса, ученик, учитель, гуманист, патриот, ребенок, брат, друг... здесь бесчисленные грани великой личности Свами Вивекананды он сам открывает нам в своих словах. Здесь мы можем проследить за жизнью Свами и его переживаниями, которые он открывал в беседах, дискуссиях, сочинениях и письмах: начиная с детства и ученичества у Шри Рамакришны до основания Миссии Рамакришны; от скитаний по Индии безвестным санньясином до его триумфа на Чикагском Парламенте религий, потрясшего весь мир; от борьбы за возрождение страдающего народа Индии до безмятежных полетов в Духе; вплоть до последних дней жизни.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
Предисловие к первому изданию	9
Глава 1	12
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Свами Вивекананда О себе

Swami Vivekananda
On Himself

Adva ita A shr ama (publication department)
5 Dehi Entally Road · Kolkata 700 014

Перевод Александры Никулиной

Редакторы: Татьяна Ведерникова, Исламбек Катибов
Отв. ред. Константин Кравчук

© «Общество Рамакришны – Центр Веданты», 2024
© ООО ИД «Ганга», перевод, оформление, 2024

Предисловие ко второму изданию

С момента выхода в свет в 1963 г. первого издания книги «Свами Вивекананда о себе» прошло более сорока лет. Первый издатель этой книги, Свами Самбуддхананда, был генеральным секретарем комитета по празднованию столетнего юбилея Свами Вивекананды, который после завершения работы распустили.

С тех пор в печати появлялось много новых материалов о Свами Вивекананде. В 1979 и 1981 гг. вышли два тома «Жизнь Свами Вивекананды» в переработанной версии, написанные его восточными и западными учениками. В 1987 г. была закончена книга «Свами Вивекананда на Западе: Новые открытия» в шести томах, Марии Луизы Бёрк. В 1997 г. вышел в свет девятый том «Полного собрания сочинений» Свами Вивекананды. В настоящее второе издание вошло много новых материалов из этих источников; Брахмачари Нирмала Чайтанья тщательно проанализировал каждую статью и, при необходимости, внес коррективы.

Мы уверены, что, читая эту книгу, ученики и почитатели Сами Вивеканды смогут почерпнуть вдохновения из его личности и открыть ее с новой стороны.

Калькутта,

май 2006 г. Издатель

Предисловие к первому изданию

Свами Вивекананда родился в Калькутте 12 января 1863 г. и мирно скончался 4 июля 1902 г. в монастыре Белур Матх близ Калькутты. В течение почти тридцати лет своей жизни он оставался неизвестным, затем же стал в подлинном смысле слова мировым Учителем и благословил бесчисленные души по всему свету.

27 января 1900 г., во время своего повторного визита в Америку, Свами Вивекананда выступил в Шекспировском клубе Пасадены (Калифорния) с трогательной лекцией – «Моя жизнь и миссия», хотя и несколько неохотно. В ней Свами, естественно, совсем немного рассказал о своей великолепной, насыщенной жизни. К счастью для нас, целый кладезь сведений о его жизни и деятельности на Востоке и Западе можно извлечь из его многочисленных писем ученикам, друзьям и почитателям обоих полушарий, а также из нескольких других вполне надежных источников.

В сущности, настоящая книга – это собрание избранных заметок и высказываний Свамиджи о себе и своей деятельности, взятых из нижеперечисленных книг. Заметки приводятся в хронологическом порядке, так что из них, можно сказать, почти складывается автобиография этого великого святого. И за эту крайне важную работу мы должны благода-

ритель одного *свами*¹ из Ордена Рамакришны, который предпочел не раскрывать свое имя. Он подготовил оригинальную рукопись, которая стала плодом долгого кропотливого труда; он передал рукопись старшему свами Бомбейского Ашрама, который совместно с профессором Чару Чандра Чаттерджи просмотрел ее, взвесив и оценив приведенные отрывки, сверив и сравнив их с источниками, то и дело удаляя какой-то отрывок или заменяя его. В результате этих правок книга заметно оформилась, и профессора Чаттерджи попросили подготовить книгу к печати, пользуясь всеми полномочиями редактора, чтобы после публикации она могла стать достойным, презентабельным и интересным читателю изданием.

В качестве компетентной помощницы профессора Чаттерджи выступала госпожа С. Бхаргава М. А., на которую возложили трудную и ответственную работу по сверке ссылок на книги и фрагменты, откуда заимствованы материалы для рукописи, а также по датировке писем Свамиджи, включенных в книгу. Таким образом, предполагается, что рукопись станет сборником подлинных материалов, к которым в дальнейшем можно будет обращаться.

Мы в большом долгу перед этими свами и их друзьями за их похвальный труд, проделанный с преданностью и заботой, как и перед владельцем издательства Saxon Press, без

¹ *Свами* – букв. «господин»; монах, получивший посвящение в индуистском монашеском ордене; уважительное обращение к индуистскому монаху или духовному учителю. – *Прим. ред.*

активной поддержки которого нам было бы очень трудно выпустить настоящий том.

В это издание вошли выдержки из книг:

1. *Полное собрание сочинений Свами Вивекананды, в 8 тт.*
2. *Провозвестие Шри Рамакришны.*
3. *Шри Рамакришна, Великий Учитель.*
4. *Учитель, каким я его видел.*
5. *Жизнь Свами Вивекананды, изложенная его восточными и западными учениками.*
6. *Новые открытия: Свами Вивекананда в Америке.*

Мы убеждены, что этот сборник избранных фрагментов, куда вошли высказывания Свамиджи о его любимом Гуру Шри Рамакришне, станет очень ценным и полезным свидетельством и продолжит вдохновлять следующие поколения читателей.

Издатель

Глава 1

Рождение и детство

*Санньясин*² приходит в этот мир ради спасения собственной души, а также ради блага и счастья множества людей. Санньясин приходит в мир, чтобы жертвовать собой ради других, облегчить страдания миллионов, сотрясающих воздух своими стонами, вытереть слезы вдовы, утешить сердце матери, потерявшей ребенка, показать темным, подавленным массам способы борьбы за существование, научить их стоять на своих ногах, чтобы проповедовать учения *шастр*³ всем без исключения, ради материального и духовного благополучия людей, чтобы пробудить *Брахмана*, этого спящего льва, в сердцах всех существ, распространяя свет знания – вот ради чего он приходит!.. Ради осуществления этой цели в жизни мы рождаемся на свет, и ради нее умрем [1].

Много, много лет подряд мои отец и мать постились и молились ради того, чтобы я родился [2].

² Человек, принявший санньясу. *Санньяса* – отвержение; четвертая и последняя стадия (*ашрама*) жизни в индуизме; монашеская жизнь, оставление мирской жизни ради достижения Освобождения. – *Прим. ред.*

³ *Шастра*: букв. «писание»; священные писания индуизма, в которых изложены основные принципы шести классических школ индуистской философии; древние наставления в различных областях знания, которым должны следовать индуисты. – *Прим. ред.*

Мне известно, что до того, как я родился, моя мать постилась, молилась и выполняла сотни таких практик, которых я не мог делать и пяти минут. А она посвятила им два года. Уверен, что какой бы религиозной культурой ни обладал, я обязан этому ей. Она осознанно привела меня в этот мир – таким, какой я есть. Именно мать определила все мои добрые побуждения – сознательно, а не бессознательно [3].

Я стал тем, кто я есть, благодаря материнской любви, и я в долгу перед матерью, в неоплатном долгу [4].

Много раз я видел, что мама первый раз принимает пищу только в два часа дня. Мы завтракали в десять, а она в два – так много дел у нее было. Если, [например], кто-нибудь стучался в дверь и говорил: «К вам гости», а из еды оставалась только ее порция, она охотно отдавала пищу гостю, а сама при этом ждала новой. Так она жила, и ей это нравилось. Поэтому мы и почитаем матерей как божеств [5].

Мне вспоминается, что когда мне было два года, я играл со своим конюхом: мы изображали *вайраги*⁴, посыпанных пеплом, в набедренных повязках (*каупина*). И если *сакху* приходил за милостыней, родители запирали меня наверху, чтобы я не давал ему слишком много. Мне казалось, что я и в самом деле аскет, и за какую-то провинность меня отлучили от Шивы. Конечно, близкие усугубляли это чувство,

⁴ *Вайраги*: тот, кто предается вайрагье. *Вайрагья*: бесстрашие, или незаинтересованность, по отношению ко всему преходящему, феноменальному, относящемуся к этому миру или другим мирам. – *Прим. ред.*

ведь стоило мне закапризничать, они говорили: «Поглядите-ка! Столько аскез – и всё зря, Шива все-таки послал нам не праведника, а бесенка!». Когда же я совсем не слушался, родители выливали на меня ведро воды, приговаривая: «Шива! Шива!» После этого я всегда приходил в чувство... Даже теперь, когда во мне просыпается озорник, это слово помогает мне вернуться на верный путь [6].

В начальных классах школы я поссорился с одним товарищем из-за сладостей, и поскольку он был сильнее, он выхватил их у меня. Помню, что тогда почувствовал: мне казалось, что этот мальчик – злейший ребенок на всем свете, и что я накажу его, как только поднаберусь сил; он казался мне таким злобным, что любое наказание для него будет мягким. Сейчас мы оба выросли и стали близкими друзьями. На свете так много детей, для которых самое главное – еда, питье и разные сладости. Они мечтают о пирожных, и мечтают, что в будущей жизни вдоволь смогут ими наесться [7].

Проезжая через лес [по дороге в Райпур]⁵, я увидел и почувствовал то, что навсегда останется в моей памяти, особенно событие, произошедшее в один из дней. В тот день нам пришлось держать путь мимо подножий гор Виндхья. Гор-

⁵ В 1877 г., когда Вивекананде (тогда Нарену) было около четырнадцати лет, его отец отправился в Райпур в центральных провинциях (Мадхья-Прадеш). Согласно уговору, его семья должна была последовать за ним позже под руководством Нарена. Часть пути они проделали на телеге с быками через Аллахабад и Джабалпур по густым лесам и безлюдным дорогам, поскольку железная дорога тогда доходила только до Нагпура.

ные вершины по обе стороны дороги возносились до самых небес; разнообразные деревья и вьюнки, сгибаясь под тяжестью плодов и цветов, придавали склонам гор удивительную прелесть. Разноцветные птицы, порхая с дерева на дерево, наполняли просторы сладостным пением. Созерцая эту красоту, я ощутил в душе необыкновенный покой. Наши медленные повозки, запряженные быками, оказались в месте, где две горные вершины, склонившись вперед, как влюбленные, соединились в объятиях над узкой лесной тропой. Разглядывая горы снизу, из-под места их встречи, я заметил, что гору с одной стороны от вершины до подножия пересекает большая расщелина, и эту расщелину заполняют огромные соты – результат векового труда пчел. Когда я размышлял о происхождении этого пчелиного царства, меня охватило изумление, и ум настолько погрузился в мысли о безграничном могуществе Бога, управляющего тремя мирами, что на некоторое время я совершенно перестал сознавать внешний мир. Не помню, сколько времени я пролежал в таком состоянии в запряженной быками телеге. Придя в себя, я обнаружил, что мы уже проехали это место и отъехали довольно далеко. Поскольку я ехал в телеге один, никто ничего об этом не узнал [8].

Нельзя отрицать, что этот [мир] полон страданий; поэтому выйти к людям и помогать им – лучшее, что можно сделать, хотя рано или поздно мы поймем, что, помогая другим, просто помогаем себе. В детстве у меня было несколь-

ко белых мышей. Они жили в небольшой коробке, внутри которой были колесики, и когда мыши пытались пробраться сквозь колесики, те, не переставая, крутились, а мыши бежали на месте. Так же дело обстоит и с миром, и с помощью людям. На самом деле, помогая другим, мы просто упражняемся в нравственности [9].

Когда [мой учитель] приходил к нам домой, я приносил ему книги на английском и бенгальском и, показывая разные книги и разделы, которые он задал мне выучить на тот день, ложился или тихо садился. Учитель дважды или трижды повторял, как читаются, пишутся, что значат и т. д. слова из этих разделов, словно это он учил урок, а затем уходил. Этого было достаточно, чтобы я выучил их [10].

В начальной школе нас немного обучали арифметике, грамматике санскрита, языкам и умению вести баланс доходов и расходов. Старик-учитель задал нам выучить наизусть книжечку по этике, и я помню один из ее уроков:

«Ради блага деревни человек должен отречься от семьи; ради блага страны он должен отречься от деревни; ради блага человечества он может отречься от страны; ради блага мира – от всего».

Такие строки были в этих книгах. Мы учили их наизусть, а учитель с учениками их объясняли [11].

Первые строки, которые я выучил в первый день учебы в школе, звучали так: «По-настоящему обладает знанием тот, который смотрит на любую женщину, как на свою мать, на

любое чужое имущество – как на пыль, и на все существа – как на собственную душу» [12].

Уже во время своей учебы в Калькутте я был человеком религиозного склада. Уже тогда я был критичным; меня не удовлетворяли просто слова [13].

Всю жизнь, ложась спать и закрывая глаза, я видел чудесную светящуюся точку между бровями и внимательно наблюдал за ее многообразными изменениями. Чтобы удобнее было на нее смотреть, я ложился на кровать в позе, в какой люди обычно кланяются, упираясь лбом в землю. Эта необыкновенная точка непрерывно меняла цвет и разрасталась, постепенно становилась шаром и, наконец, лопнув, окутывала мое тело с головы до ног белым текучим светом. Как только это происходило, я переставал что-либо сознавать и засыпал. Я был уверен, что так засыпают все люди. Долго я в этом не сомневался. Когда я подрос и стал заниматься медитацией, стоило мне закрыть глаза, как перед глазами возникала эта светящаяся точка, и тогда я сосредоточивался на ней. Тогда мы ежедневно вместе с несколькими друзьями занимались медитацией, следуя наставлениям Махарши Девендранатха. Мы обсуждали между собой медитативные видения и переживания, которые у нас возникали. Тогда-то я и узнал из бесед, что друзья никогда не видели такого света и никто из них так не засыпал [14].

С детства я был человеком не робкого десятка, иначе разве я решился бы отправиться в кругосветное путешествие

почти без гроша в кармане? [15]

Будучи школьником, однажды ночью я медитировал в доме и довольно глубоко сосредоточился. Не могу сказать, сколько времени я так медитировал. Я закончил медитацию и по-прежнему сидел на своем месте, когда из южной стены комнаты вышла сияющая фигура и оказалась перед мной. Ее лицо излучало удивительное сияние, но при этом не выражало никакой перемены эмоций. Это был санньясин, абсолютно спокойный, с бритой головой, посохом и *камандалу* [кувшином для воды, который используют санньясины] в руках. Он некоторое время смотрел на меня и, казалось, хотел мне что-то сказать. Я тоже смотрел на него в немом изумлении. Затем меня охватил страх, я открыл дверь и поспешно покинул комнату. И тут меня осенило, что глупо было так убежать, что, может быть, он мог мне что-нибудь сказать. Но с тех пор я никогда не встречал этого санньясина. Много раз и часто я думал, что если встречу его снова, то не испугаюсь, а заговорю с ним. Но больше я его не видел... Я никак не мог разгадать эту ситуацию. Теперь мне кажется, что я видел Господа Будду [16].

С самого детства, когда я сталкивался с разными предметами, людьми или местами, мне порой казалось, что я знал их когда-то раньше. Но я тщетно пытался вспомнить какие-либо [подробности], тем не менее это впечатление сохранялось. Приведу один пример: Как-то раз в одном доме мы обсуждали с друзьями различные вопросы. Вдруг один

из друзей произнес слова, которые напомнили мне: однажды в этом же доме я обсуждал с друзьями эту же тему и разговор даже принял такой же оборот. Позднее мне пришла мысль, что, возможно, такие состояния связаны с законом переселения душ. Но вскоре я решил, что неразумно делать такие однозначные выводы по этому вопросу. Теперь я считаю, что до своего рождения я, должно быть, так или иначе видел те предметы и людей, с которыми мне предстояло общаться в нынешнем рождении. Такие воспоминания время от времени возникали у меня на протяжении всей жизни [17].

Буквально за два-три дня до вступительного экзамена я понял, что очень плохо знаю геометрию. Тогда я взялся за ее изучение, не спал всю ночь и за двадцать четыре часа изучил четыре книги по геометрии [18].

Я упорно учился двенадцать лет и окончил Калькуттский университет [19].

Дом предков Свами Вивекананды, Калькутта

Я играл со своим конюхом: мы изображали вайраги, посыпанных пеплом, в набедренных повязках (каупина). И если садху приходил за милостыней, родители запирали меня наверху, чтобы я не давал ему слишком много.

*Бхуванесвари Деви
(1841–1911)*

Я стал тем, кто я есть, благодаря материнской любви,

и я в долгу перед матерью, в неоплатном долгу.

Мне удавалось понять мысль автора, не читая его книгу от начал и до конца. Чтобы уловить смысл сказанного, мне достаточно было прочесть только первую и последнюю строки абзаца. Развив эту способность, я обнаружил, что необязательно читать даже абзацы. Я мог уследить за мыслью, прочитав лишь первую и последнюю строки на странице. Более того, когда автор начинал рассуждать, чтобы объяснить какой-то вопрос, и ему требовалось четыре-пять или даже больше страниц, я мог уловить ход его аргументации, прочитав лишь первые несколько строк [20].

Каждую ночь, начиная с юношеского возраста, стоило мне лечь в постель, как перед глазами возникали два идеала. В одном из видений я представлял как человек, обладающий огромным богатством и собственностью, бесчисленными слугами и иждивенцами, человек высокого положения и достоинства, наделенный всеми благами и властью. Мне казалось, что я – главный среди тех, кого называют «сильными мира сего». Я безусловно ощущал, что способен достичь этой цели. И вот, буквально миг спустя, мне казалось, будто я отрекся от всего и живу как отшельник, одетый в одну набедренную повязку, питающийся подаяниями, ночующий под деревьями и полагающийся только на волю Бога. Мне казалось, что если захочу, то смогу жить как *риши* и *муни*. Итак, в сознании возникали два противоположных образа, согласно

которым я мог бы строить свою жизнь. Но в конечном итоге последний образ возобладал в моем уме. Я думал, что лишь таким путем человек может достичь истинного блаженства и что нужно двигаться именно по этому пути, а не по другому. Размышляя о счастье такой жизни, я погружался в созерцание Господа и засыпал. Как ни удивительно, довольно долго я думал об этом каждую ночь [21].

Я никогда не пугал детей рассказами о домовых, ибо боялся говорить неправду и отчитывал всех, кого заставлял за этим. Поскольку я получил английское образование и часто посещал Брахмо Самадж⁶, мое стремление говорить правду заметно выросло в то время [22].

В начале нашего столетия [XIX-го] в. люди стали опасаться, что религия может исчезнуть. Под сокрушительными ударами молота науки древние суеверия рассыпались, словно гряда фарфора. Те, кто понимал религию лишь как набор вероучений и бессмысленных ритуалов, впали в отчаяние, были совершенно потеряны. Земля уходила у них из-под ног. Некоторое время казалось, что нахлынувшая волна агностицизма и материализма неизбежно сметет всё на сво-

⁶ Брахмо Самадж (Общество Брахмы) – общество в рамках религиозно-реформаторского движения в индуизме, основанное в 1828 в Калькутте индийским просветителем Раммоханом Роем. Основной идеей общества Раммохан Рой считал почитание единого Бога, но без идолопоклонства. Члены Б. С. собирались в специальных молельных залах, вне храмов, и совместно распевали гимны и молитвы. Общество выступало против некоторых традиционных индусских обычаев, напр. детских браков, самосожжения вдов, традиционных ритуалов богопочитания. – *Большая российская энциклопедия.*

ем пути... В детстве меня тоже затронул этот скептицизм, и некоторое время мне казалось, что пора перестать уповать на религию. Однако, к счастью для меня, я смог изучить христианство, ислам, буддизм и другие религии, и как же я удивился, когда понял, что все религии учат тем же основополагающим принципам, что и моя. Это привлекло меня. Где же истина? – спрашивал я [23].

Когда мальчиком я жил здесь, в Калькутте, то ходил на разные собрания в поисках вероисповедания и на каждом из них спрашивал лектора после его важного выступления: «Вы видели Бога?» Всех их ошеломляла идея возможности увидеть Бога, и единственным, кто сказал мне: «Да, видел», был Рамакришна Парамахамса, и еще он добавил: «И тебя я научу Его видеть» [24].

Нарендрнатх, Коссиор, 1886 г.

*За два-три дня до ухода Шри Рамакришны в это тело
вселилась Та, Кого он называл «Кали».*

Глава 2

Ученичество

Я родился в Бенгалии и добровольно решил уйти в монахи и дать обет безбрачия. Когда я родился, отец заполучил гороскоп с описанием моей жизни, но никогда не рассказывал мне о нем. Несколько лет тому назад, когда я приехал домой после смерти отца, среди бумаг, хранившихся у матери, я наткнулся на этот гороскоп; он гласил, что мне суждено странствовать по свету [1].

С детства я питал глубокий интерес к религии и философии, а в книгах, которые мы читали, отречение от мира считалось высшим возможным идеалом. Встречи с великим учителем – Рамакришной Парамахамсой – хватило, чтобы во мне вспыхнула окончательная решимость следовать по пути, который прошел он сам, ибо в нем я увидел воплощение своего высочайшего идеала [2].

В Ордене, к которому я принадлежу, таких людей, как я, называют санньясинами. Это слово означает «тот, кто отрекся». Это древнейший Орден. К нему принадлежал даже Будда, живший за 560 лет до Христа... Вот насколько он древний! Он упоминается еще в *Ведах*, древнейшей книге в мире...

Орден – не церковь, и люди, которые вступают в него,

не священники. Священники принципиально отличаются от санньясинов... Санньясины не владеют собственностью и не вступают в брак. Кроме этого, у них нет никакой организации. Имеет значение только одна связь – между учителем и учеником – и в этом особенность Индии. Цель Учителя – не просто научить меня чему-то, это не человек, которому я плачу деньги, и дело с концом. В Индии отношения Учителя с учеником больше похожи на усыновление. Учитель мне ближе родного отца, и я в самом деле во всём его дитя, его сын. В первую очередь я обязан повиноваться Учителю и почитать его даже больше, чем собственного отца; ведь, как говорится, отец дал мне тело, но [Учитель] показал мне путь к спасению, он выше отца. И мы проносим любовь, это уважение к своему Учителю через всю жизнь... Иногда Учитель бывает юношей, а ученик – старцем...

Так вышло, что меня обучал пожилой Учитель, который был довольно своеобразной личностью. Он не сильно стремился к интеллектуальной учености, почти не читал книг, но еще в детстве его увлекла грандиозная идея – идея, что истину можно познать напрямую. Сначала он пробовал исследовать собственную религию. Затем решил, что должен познать истину других религий; и, руководствуясь этой идеей, стал адептом поочередно всех религий. До поры до времени он выполнял то, что ему говорили представители того или иного течения – поочередно жил вместе с адептами разных учений до тех пор, пока не удавалось проникнуться их иде-

алами. Спустя год-другой он присоединился к новому течению. Побыв адептом всех учений, он пришел к выводу, что все они хороши. Он не мог критиковать ни одно из них: все религии – множество путей, ведущих к одной и той же цели. И тогда он сказал: «Славно, что есть такое множество путей, ведь если бы существовал лишь один путь, возможно, он подошел бы только некоторым. Чем больше путей, тем больше возможностей у каждого из нас познать истину. Если меня не смогут обучить на одном языке, я попробую учиться на другом» и т. д. Итак, он благословлял все религии [3].

Тысячи людей приходили, чтобы встретиться с этим удивительным человеком, говорившим на местном диалекте; каждое его слово было исполнено значительности и света... Этот человек поселился недалеко от Калькутты, индийской столицы, главного университетского города нашей страны, из учебных заведений которого ежегодно сотнями выпускались скептики и материалисты. И все же многие из питомцев университета – скептики и агностики – приходили его послушать. Я узнал об этом человеке и пришел послушать его. Он выглядел обыкновенным, ничего примечательного в нем не было [4].

[Вопрос: *Наверное, вы хорошо помните вашу первую встречу*]. Да. Мы встретились в храмовом саду Дакшинешвара, в его комнате. В тот день я спел две песни... Он вошел в *самадхи*. Он сказал Рам Бабу: «Кто этот мальчик? Он прекрасно поет!» Он попросил меня прийти снова [5].

Да, я спел песню, но затем он внезапно встал и, взяв меня за руку, привел на северную веранду, закрыв за собой дверь. Снаружи она была заперта, и мы остались одни. Я решил, что он хочет дать мне наедине какие-то наставления, но, к моему полному удивлению, он продолжал держать меня за руку, а из его глаз потоком полились слезы радости и, обратившись ко мне с большой нежностью, как к старому знакомому, он сказал: «Ах, ты так поздно пришел! Как нелюбезно с твоей стороны было заставлять меня так долго ждать! Мои уши скоро завянут от светских разговоров этих мирян. Я так хочу рассказать о своих мыслях тому, кто сможет понять мое глубочайшее переживание!» Так он говорил, продолжая плакать. Миг спустя он встал передо мной, сложив руки, и произнес: «Господи, я знаю, ты – тот древний мудрец, Нара, Воплощение Нараяны, ты пришел на землю, чтобы устранить беды человечества» и т. д.

Его поведение меня совершенно ошеломило. «У кого я в гостях? – думал я. – Он, должно быть, выжил из ума. Я просто сын Вишванатха Датты, а он смеет так ко мне обращаться!» Но я не высказал этих мыслей вслух, и он продолжал вести себя в том же духе. Он сходил к себе в комнату и, принеся сладостей, сахарных конфет и масла, стал кормить меня с рук. Напрасно я снова и снова повторял: «Прошу, отдайте мне сладости, чтобы я поделился с друзьями!». Он просто отвечал: «Они могут попробовать потом, и успокоился только тогда, когда я всё съел. Затем он взял меня за руку и ска-

зал: «Обещай, что скоро придешь ко мне один». Он проявил такую настойчивость, что мне пришлось согласиться, и вместе с ним мы пошли к моим друзьям [6].

Я сидел и наблюдал за ним. В его словах, движениях и отношении к другим не было никаких изъязнов. Напротив, его одухотворенные слова и экстатические состояния указывали на подлинное отречение от мира, а его слова не расходились с поступками. Он выражался очень просто, и я подумал: «Разве этот человек может быть великим учителем?» Я тайком подошел к нему и задал вопрос, который часто задавал другим: «Видели ли вы Бога, уважаемый?» «Да, я вижу Его так же, как тебя, только гораздо более явно, – [ответил он]. «Бога можно познать, – продолжал он, – Его можно увидеть, с Ним можно говорить так, как я вижу тебя и говорю с тобой. Но кому это нужно? Люди проливают реки слез по жене и детям, богатству и имуществу, но кто плачет по Богу? Если человек искренне плачет о Нем, Он обязательно явится». Это сразу произвело на меня впечатление. Впервые я встретил человека, который решился сказать, что видел Бога, что религия – реальность, которую можно переживать, ощущать бесконечно более явно, чем мы ощущаем мир. Услышав от него эти слова, я сразу поверил, что он говорит не как обычный проповедник, но обращаясь к собственным глубинным прозрениям. Но я не мог связать его слова с его странным поведением со мной. Поэтому я сделал вывод, что он, должно

быть, мономаньяк⁷. И все-таки я вынужден был признать величие его отречения. «Возможно, он и безумец, – думал я, – но лишь немногие счастливицы могут достичь такого уровня отречения. Даже если этот человек сумасшедший, он святейший из святых, истинный святой, и только потому заслуживает благоговейного почитания со стороны человечества!» Такие противоречивые мысли наполняли мой ум, когда я поклонился ему и попросил разрешения вернуться в Калькутту [7].

[Вопрос: *Где вы встретились в следующий раз?*] В доме Раджмохана. Третья встреча снова произошла в Дакшинешваре. Во время нее он вошел в *самадхи* и стал восхвалять меня словно Бога. Он говорил мне: «О, Нараяна, ты воплотился ради меня в этом теле... Я спросил Божественную Мать: „Мать, как мне жить на земле, если я не смогу наслаждаться обществом настоящих преданных, которых не интересуют „женщины и золото“?» Затем он сказал мне: «Ты пришел ко мне ночью, разбудил меня и сказал: „Вот я!“». Но я не помнил ничего такого. Я крепко спал в нашем доме в Калькутте [8].

Тогда я не думал, что храмовый сад Дакшинешвара расположен так далеко от Калькутты, ведь в прошлый раз я ехал

⁷ Мономания (от греч. *monomania*: *monos* – один, единственный и *mania* – восторженность, увлечённость, мания) – в психиатрии: навязчивая или чрезмерная увлечённость одной идеей или субъектом; одностороннее, однопредметное помешательство. Разновидность паранойи. Большой мономанией называется *мономан*, *мономаньяк*. – *Википедия*.

туда в экипаже. Дорога показалась мне очень длинной, почти нескончаемой. Однако так или иначе я добрался до сада и направился прямо в комнату Шри Рамакришны. Он сидел один на небольшой кровати. Он обрадовался, когда я пришел, и ласково позвав подойти, усадил рядом с собой на кровать. Но в следующее мгновение я увидел, что он охвачен каким-то волнением. Тихонько что-то бормоча и не сводя с меня глаз, он медленно придвинулся ко мне. Я подумал, что он может сделать что-нибудь необычное, как в прошлый раз. Не успел я и глазом моргнуть, как он поставил правую ногу на мое тело. Этот жест тут же вызвал у меня незнакомое переживание. Я наяву видел, как стены и мебель в комнате стремительно вращаются и обращаются в ничто, а вся Вселенная, как и моя индивидуальность, готовы исчезнуть в таинственной всеохватной пустоте! Я страшно испугался и решил, что сейчас умру, ведь смерть и означает потерю индивидуальности. Не в силах сдерживаться, я закричал: «Что вы со мной делаете! Меня дома ждут родители!» В ответ он громко рассмеялся и, погладив меня по груди, сказал: «Ладно, на сегодня хватит. Всему свое время!». Удивительно, но стоило ему это сказать, как необычное переживание исчезло. Я вновь пришел в себя и заметил, что в комнате и на улице всё как прежде.

Храм Кали в Дакшинешваре

Этот случай произошел быстрее, чем я о нем рассказал, но произвел в моем сознании переворот. Я изумленно спрашивал себя, что это могло быть за переживание. Оно возникло и исчезло просто по воле этого удивительного человека! Я начал предполагать, что это может быть месмеризм или гипноз. Но такое объяснение было маловероятным, ведь эти техники воздействуют лишь на слабое сознание, а я гордился силой своего ума. Тогда я еще не поддался влиянию сильной

личности этого человека. Я, скорее, считал его мономаньяком. Чем же могло быть вызвано мое внезапное преобразование? Я не мог ничего придумать. Это была загадка, разгадку которой, казалось, лучше и не искать. Однако я твердо решил быть начеку и не давать ему новой возможности так на меня воздействовать.

В следующий миг мне подумалось: как можно считать безумцем человека, который вдребезги разбил такое решительное и сильное сознание, как у меня? И всё-таки именно такой вывод напрашивался, если взглянуть на его восторженность в нашу первую встречу – если только он не был воплощением Бога, что, конечно, невероятно. Итак, я столкнулся с дилеммой, размышляя о природе моего опыта, а также о природе этого удивительного человека, который, очевидно, был по-детски прост и чист. Мой рационалистический ум получил неприятный отпор, когда не смог определить истинное положение дел. Но я был решительно настроен любым способом разгадать эту тайну.

Такие мысли занимали меня весь тот день. Но после того случая он совершенно преобразился и, как и в прошлый раз, обращался со мной с большой добротой и радушием. Он вел себя со мной так, как ведет себя человек при встрече со старым другом или родственником после долгой разлуки. Он только и делал, что развлекал и всячески опекал меня. Такое поразительно душевное отношение еще больше привлекло меня к нему. Наконец, заметив, что день заканчива-

ется, я попросил разрешения уйти. Он выглядел очень удрученным и отпустил меня, лишь взяв обещание при первой же возможности приехать снова [9].

Однажды в храмовом саду Дакшинешвара Шри Рамакришна коснулся меня в области сердца, и я увидел, что дома – комнаты, двери, окна, веранды – деревья, солнце, луна – улетают прочь, как бы разлетаясь на части – распадаются на атомы и молекулы и в конечном итоге сливаются с *акашей*. Постепенно исчезла также и *акаша*, а вместе с ней и мое сознание «я»; что случилось потом, я не помню. Сначала я испугался. Придя в себя, я вновь стал видеть дома, двери, окна, веранды и прочие предметы. В другой раз точно такое же озарение случилось у меня на берегу озера в Америке... Отклонение в работе мозга! Можно ли так сказать, когда такое переживание – не порождение бреда, вызванного болезнью, опьянением, и не иллюзия, вызванная разными необычными дыхательными упражнениями – но когда оно возникает у нормального человека, в добром здравии и в своем уме? Вообще говоря, такое переживание идеально соответствует текстам *Вед*. Оно также совпадает с тем, что говорили о постижении истины вдохновенные древние *риши* и *ачарьи*. Наконец, неужели вы думаете, что я выжил из ума?.. Знайте, [что] такое знание Единственности – то, что в *шастрах* называют постижением *Брахмана*; познав его, человек избавляется от страха и навсегда разрушает оковы рождения и смерти. Однажды постигнув это Высшее блаженство, человек боль-

ше не увлекается удовольствием или болью этого мира...

То Высшее Блаженство присутствует во всём, от Брахмы до травинки. И вы сами – этот неделимый *Брахман*... Снова и снова блуждая в запутанном лабиринте иллюзий, под гнетом горестей и несчастий, люди рано или поздно обращают взор к собственной истинной природе, Внутренней Самости. В сердце живет стремление к блаженству, и потому человек, вновь и вновь сталкиваясь с жестокими потрясениями, обращает взор внутрь, к собственной Самости. Каждый, без исключения, обязательно однажды сделает это – одни в этой жизни, другие – через тысячи воплощений [10].

Видя, что из-за меня Учитель забывает о себе, иногда я без колебаний резко критиковал его слепую любовь ко мне. Обычно я предупреждал его, что если он будет постоянно думать обо мне, то станет похож на меня, подобно царю Бхарате из старинной легенды: он так привязался к своему ручному оленю, что даже на смертном одре не мог думать ни о чем другом, и в результате в следующей жизни родился оленем. Услышав эти слова, Учитель – настолько он был прост – по-настоящему занервничал и сказал: «Ты говоришь правду. Что же будет со мной, если я не могу с тобой разлучиться?» В отчаянии он отправился в храм Кали. Через несколько минут он вернулся с улыбкой на лице и сказал: «Негодник, больше я не буду тебя слушать. Мать говорит, что я люблю тебя, поскольку вижу в тебе Господа, и когда я перестану видеть Его, то не смогу вынести одного твоего вида».

Этим кратким, но категоричным заявлением он раз и навсегда обезвредил любые мои возражения [11].

Однажды он сказал мне: «Если захочешь, в своем сердце ты можешь увидеть Кришну». Я отвечал: «Я не верю в Кришну, как и в другую подобную чушь!» [12]

Однажды я сказал ему: «Формы Бога и подобные вещи, которые вы видите в своих видениях – просто ваши фантазии». Он так доверял моим словам, что пошел к Божественной Матери в храм и передал Ей мои слова. Он спросил Ее: «Неужели это галлюцинации?». После чего передал мне ее ответ: «Мать сказала мне, что эти формы реальны»...

[И снова] он сказал мне: «Когда ты поешь, Тот, кто обитает здесь (он коснулся своего сердца), шипит, словно змея, а затем, расправив капюшон, спокойно поднимается и слушает твое пение» [13].

Мы [со Шри Рамакришной] говорили о нашем откровении, *Ведах*, о вашей Библии, о Коране и откровенных писаниях в целом. Когда мы закончили беседу, этот добрый человек попросил меня подойти к столу и взять книгу; в ней, помимо прочего, содержался прогноз о количестве осадков на год. Мудрец сказал: «Прочти его». И я зачитал, какое количество осадков должно выпасть. Он сказал: «Теперь возьми книгу и крепко сожми ее». Я так и сделал, и он продолжил: «Видишь, мой мальчик, оттуда не вытекло ни капли воды. Пока не потечет вода, это просто книга, книга. Так же и религия не имеет смысла, если она не ведет к постижению

Бога. Тот, кто, в поисках религии просто изучает книги, похож на осла из басни, который нес большой тюк сахара, но так и не попробовал его на вкус» [14].

Я ни во что не верил... Сначала я не принимал почти ничего из того, что говорил Учитель. Однажды он спросил меня: «Тогда зачем ты ко мне приходишь?». Я ответил: «Я прихожу сюда, чтобы видеть вас, а не слушать». Это его очень порадовало [15].

Однажды, когда я остался с ним наедине, он сказал мне следующую вещь. С нами рядом никого не было... Он сказал: «Я сам не могу применять оккультные силы, но буду делать это через тебя. Что скажешь?» «Нет, – отвечал я, – не нужно этого делать».

Нередко я смеялся над его словами... я говорил, что все его видения Бога – галлюцинации, порожденные его умом.

Он сказал мне: «Я забирался на крышу кутхи и кричал: „Преданные, где вы все? Придите ко мне, о преданные! Я скоро умру. Я умру, если не увижу вас“. И Божественная Мать сказала мне: „Преданные придут“. Видишь, это оказалось правдой». Что еще я мог сказать? Я молчал [16].

Я делал всё, что хотел, следуя своим прихотям. Учитель никогда не вмешивался... Я вступил в Садхаран Брахмо Самадж... Учитель знал, что на собраниях Брахмо Самаджа присутствуют женщины. Мужчина не может медитировать, когда перед ним сидят женщины, поэтому он критиковал медитацию в Брахмо Самадже. Но он не возражал, что я туда

хожу. Но однажды он сказал мне: «Не говори Ракхалу о том, что ты член Брахмо Самаджа, а то он тоже захочет туда вступить» [17].

Когда я заметил, что Учитель не одаривает [моих друзей] такой же милостью, что и меня – он принял меня в ученики и наставлял в духовных вопросах, – я стал требовать, чтобы он проявил к ним такую же доброту. По мальчишескому легкомыслию я неоднократно пускался с ним в споры на эту тему. Я говорил: «Почему вы так поступаете? Бог не может быть пристрастным, он не может даровать Свою милость одним и лишать ее других. Почему вы тогда не принимаете их, как меня? Разве не правда, что цели духовного пути можно достичь и своими силами, как человек сам может стать ученым, если проявит достаточно усердия?» Учитель отвечал: «Что я могу сделать, дитя мое? Мать говорит мне, что им свойственно звериное, бычье умонастроение. Они не могут достичь духовных целей в этой жизни. Что я могу сделать? И что это ты говоришь? Можно ли в жизни стать тем, кем хочешь, только за счет усердия и силы воли?» Но тогда я не слышал слов Учителя! Я сказал: «О чем вы говорите, уважаемый? Неужели нельзя стать тем, кем хочешь, если хочешь этого и стремишься к этому? Конечно, можно. Я не верю вашим словам». Учитель отвечал то же самое: «Хочешь верь, хочешь нет, но так говорит Мать». Тогда я не принял его слов. Но со временем, с опытом, всё больше убеждался, что Учитель всё сказал правильно, а мои мысли были ошибоч-

ными [18].

Как только я приходил в Дакшинешвар, Учитель давал мне книги, которые он запрещал читать другим. Среди прочих книг он хранил у себя в комнате «Аштавакра-самхиту». Когда Учитель заставлял других за чтением этой книги, он запрещал ее читать и давал вместо нее книги вроде «Мукти, и его достижение», «Бхагавад-гиту» или какие-нибудь *пураны*. Но стоило мне прийти к нему, как он доставал эту книгу и просил меня почитать ее. Или просил меня почитать какой-нибудь фрагмент из «Адхьятмы-Рамаяны», где много говорится о недвойственности. Иногда я прямо говорил ему: «Какой смысл читать эту книгу? Грех даже думать: „Я Бог“. Эта книга учит богохульству. Ее стоит сжечь». Учитель улыбался и говорил: «Разве я прошу тебя читать ее для себя? Нет, почитай немного для меня. Пожалуйста. Тогда тебе не нужно думать, что ты – Бог». Так по его просьбе мне приходилось читать из этой книги [19].

[Однажды] магическое касание Учителя мгновенно произвело необыкновенное изменение в моем сознании. В изумлении я обнаружил, что во Вселенной нет больше ничего, кроме Бога! Я видел это совершенно ясно, но молчал, чтобы посмотреть, насколько долгим будет это впечатление; оно не ослабевало целый день. Я вернулся домой, но и там всё, что я видел, представало мне *Брахманом*. Я сел ужинать, но обнаружил, что всё – еда, тарелка, человек, который подавал пищу, и даже я сам – есть То. Я съел пару кусочков и непо-

движно сидел. Меня застали врасплох слова матери: «Что ты сидишь? Доедай», и я снова принялся есть. Но когда я ел, лежал или шел в колледж, это состояние непрерывно оставалось со мной, и я как бы постоянно пребывал в трансе. Идя по улице, я замечал экипажи, которые проносились мимо, но мне не хотелось уходить с дороги. Я ощущал себя единым целым с экипажем. Я перестал ощущать свои конечности; их, казалось, разбил паралич. Еда не доставляла мне удовольствия, казалось, что ест другой человек. Иногда во время еды я ложился, через пару минут вставал и снова принимался есть. В итоге иногда я переедал, но это мне никак не вредило. Моя мать стал беспокоиться и говорить, что со мной что-то не так. Она боялась, что моя жизнь будет короткой. Когда это состояние немного изменилось, мир стал казаться мне сновидением. Гуляя по площади Корнуоллис, я стучался головой о железные перила, чтобы проверить, реальны ли они или это только сон. Такое состояние продолжалось несколько дней. Вернувшись в нормальное состояние, я осознал, что, должно быть, мне удалось уловить проблеск состояния недвойственности. Тогда меня осенило, что в писаниях говорится правда. После этого я уже не отрицал выводов философии *адвайты* [20].

Впервые мне повстречался человек, который осмелился заявить, что видит Бога, что религия – реальность, которую можно чувствовать и ощущать гораздо интенсивнее, чем мы ощущаем окружающий мир. Я стал постоянно приходить к

этому человеку и в самом деле понял, что религия может быть передана. Одно касание, один взгляд могут полностью изменить жизнь. Я читал о Будде, Христе, Мухаммаде, о разных светочах древности, которые вставали и говорили: «Исцелись», и человек исцелялся. Теперь я убедился, что такое возможно, и, своими глазами увидев такого человека, я полностью отбросил скептицизм. Такие вещи возможны; и мой Учитель говорил: «Религию можно подарить и можно забрать в более осязаемом и реальном смысле, чем что-либо другое»...

Вторая идея, которую передал мне Учитель и которая, вероятно, наиболее важна – чудесная истина о том, что разные религии не противоречат друг другу и не враждуют между собой. Они являются лишь разными уровнями одной вечной религии. Эта единая вечная религия приспособливается к разным уровням существования, мнениям различных умов и народов [21].

Учитель проповедовал преданность, которой учит Нараяда, широким массам, неспособным постичь более высокие истины. Обычно он учил их двойственности, как правило, никогда не уча Адвайте. Но он говорил о ней мне. Прежде я верил в двойственность [22].

Однажды [Шри Рамакришна] сказал мне, что никто из двадцати миллионов людей, живущих на земле, не верит в Бога. Я спросил его, почему, и он ответил: «Представь, что в этой комнате вор, и вот он узнаёт, что в соседнем помещении

– гора золота, а две этих комнаты разделены лишь тончайшей перегородкой; что он тогда будет чувствовать?» Я ответил: «Он не сможет уснуть, его мозг будет активно придумывать, как можно добраться до золота, ни о чем больше он думать не сможет». Тогда он ответил: «Считаешь ли ты, что можно верить в Бога и не сходить с ума от желания Его достичь? Если человек искренне верит, что существует необъятный, бесконечный источник блаженства, к которому можно прикоснуться, разве он не сойдет с ума в своем стремлении к нему? [23]

Однажды в то время я ночевал у Учителя в Дакшинешваре. Какое-то время я неподвижно сидел под *Панчавати*⁸, как вдруг пришел Учитель и, схватив меня за руку, сказал, улыбаясь: «Сегодня я буду проверять твой интеллект и знания. Ты сдал всего два с половиной экзамена, а сегодня пришел учитель, который сдал три с половиной экзамена⁹. Пойдем, я хочу посмотреть, как ты с ним побеседуешь». Волей-неволей мне пришлось пойти с Учителем. Добравшись до его комнаты и познакомившись с М., мы стали беседовать с ним на различные темы. Заставив нас разговориться, Учитель замолчал и долго слушал наш разговор и наблюдал за нами.

⁸ *Панчавати* – пять священных деревьев, посаженных вместе: баньян, баиль (бильва), амалаки (индийский крыжовник, или миробалан серый), ашока, пипал (фикус священный). Под такими деревьями в саду Дакшинешвара Шри Рамакришна достиг Реализации. – *Прим. ред.*

⁹ В то время Нарендра готовился сдавать экзамен на степень бакалавра, а Шри М. уже сдал этот экзамен и изучал право. Так Учитель это объяснил.

Затем, когда Шри М. попросился и ушел, Учитель сказал: «Пусть он и сдал экзамены, что с того? У этого учителя робкий, женственный характер. Он не может выразительно говорить». Учитель веселился, выставя меня против других [24].

[В первое время после знакомства с Учителем] эта религиозная практика, вероятно, помогала мне только в одном – по его милости я научился контролировать свой ужасный гнев. До этого в гневе я переставал собой владеть, а потом погружался в раскаяние. Но теперь, если кто-нибудь серьезно препятствует мне или даже сильно меня избивает, я уже не впадаю в такую ярость [25].

Однажды, во время одного из моих первых визитов, Учитель, который был в экстатическом настроении, сказал мне: «Ты пришел!». «Удивительно! – сказал я себе. – Он как будто давно знает меня». Затем он спросил меня: «Бывает ли, что ты видишь свет?». Я ответил: «Да, уважаемый. Перед тем как заснуть, я ощущаю как бы некое сияние в области лба»...

Я часто видел этот свет. Однажды в садовом домике Джадду Маллика Учитель коснулся меня и что-то про себя прошептал. Я потерял сознание. Эффект его прикосновения не проходил целый месяц; я испытывал нечто вроде опьянения.

Когда он узнал, что родители собираются меня женить, он зарыдал, приникнув к стопам изображения Кали. Со слезами на глазах он молил Божественную Мать: «О, Мать, прошу,

пусть свадьба разладится! Не дай Нарендре утонуть» [26]

Однажды, когда Учитель сидел со мной в комнате для занятий и наставлял меня о том, как важно всю жизнь поддерживать воздержание, бабушка всё подслушала и сообщила об этом родителям. С тех пор они стали прилагать все усилия, чтобы устроить мою свадьбу, опасаясь, что я уйду в монахи, живя с *садху*. Но разве в этом был толк? Все их усилия не могли преодолеть сильной воли Учителя. Даже когда вопрос о свадьбе, казалось, решился, переговоры снова и снова срывались из-за пустячных расхождений во взглядах сторон [27].

Панчавати в Дакшинешваре

В конце концов... я – всего лишь мальчик, который привык с восторгом внимать чудесным словам Рамакришны под баньяном в Дакшинешваре.

Нельзя передать словами ту невыразимую радость, которую мы испытывали в присутствии Учителя. Непостижимо, как ему удавалось учить нас без нашего ведома, посредством игр и забав, тем самым формируя нашу духовную жизнь. Искусный борец крайне осторожно и сдержанно ведет себя с новичком, то (якобы с большим трудом) одолевая его в борьбе, то вновь позволяя победить себя, чтобы укрепить уверенность ученика в себе – так же и Шри Рамакришна поступал с нами. Сознвая, что *Атман*, источник бесконечной силы, присутствует в каждом существе, даже самом крохотном, он в каждом видел потенциальное величие. Он ясно различал скрытую духовную силу, которая однажды проявится. Демонстрируя нам эту светлую перспективу, он хвалил и подбадривал нас. Однако предупреждал, что мы не должны чинить препятствий этому будущему совершенству, увлекаясь мирскими желаниями и, более того, контролировал нас, тщательно, в мельчайших подробностях следя за нашей жизнью. Всё это он делал спокойно и ненавязчиво. Таким образом ему удавалось обучать нас и формировать нашу жизнь.

Однажды я стал чувствовать, что мне не удастся хорошо сосредоточиться во время медитации. Я рассказал об этом

Учителю и попросил у него совета и руководства. Он рассказал мне о своем личном опыте такого рода и дал мне наставления. Помню, как ранним утром, когда я садился медитировать, мой разум захватывал, отвлекая внимание, пронзительный звук свистка на джутовой фабрике по соседству. Я рассказал об этом Учителю, и он посоветовал мне сосредоточиться на самом звуке свистка. Я последовал его совету, и это мне очень помогло.

В другой раз во время медитации мне было трудно полностью отрешиться от тела и сосредоточиться на своем идеале. Я обратился к Учителю за советом, и он дал мне такое же наставление, которое ему дал Тота Пури, когда он учился достигать *самадхи* в согласии с практиками *веданты*. Он сильно надавил ногтем на кожу между бровей и сказал: «Теперь сосредоточься на этом болезненном ощущении!». Я заметил, что могу легко сосредоточиваться на боли сколь угодно долго, и тогда полностью перестал сознавать другие части тела; тем более, они никак не отвлекали меня и не мешали медитации.

Лучшим местом для наших медитаций было Панчавати, уединенное местечко, где Учителя посещали разные духовные озарения. Помимо медитации и духовных упражнений, мы проводили там много времени, дурачась и веселясь. Шри Рамакришна тоже веселился с нами, делая нашу невинную радость полной. Мы бегали и прыгали, лазали по деревьям, висели на лианах и иногда устраивали веселые пикники. В

день первого пикника Учитель заметил, что я сам приготовил еду, и попробовал ее. Я знал, что он может принимать только пищу, приготовленную *брахманами*, и поэтому устроил ему трапезу в храме Кали. Но он сказал: «Будет хорошо, если я приму пищу от такой чистой души, как ты». Невзирая на мои упорные возражения, он с удовольствием отведал пищи, которую я приготовил в тот день [28].

После смерти отца моя мать и братья голодали. Однажды мы встретили Аннаду Гуху, и Учитель сказал ему: «У Нарендры умер отец. Его семья бедствует. Будет хорошо, если друзья сейчас помогут ему деньгами». Когда Аннада ушел, я отругал его. Я сказал: «Зачем вы всё это ему рассказали?». После моей отповеди он расплакался и сказал: «Увы! Ради тебя я готов просить подаяния у каждой двери». Он приручил нас своей любовью [29].

Еще до окончания траура [после смерти отца] мне пришлось отправиться на поиски работы. Изголодавшийся и босой, я бродил по разным конторам под палящим полуденным солнцем с заявлением в руках, иногда меня сопровождали один-два близких друга, которые сочувствовали мне в этом бедственном положении. Но везде передо мной закрывались двери. Это первое столкновение с реальностью жизни убедило меня, что бескорыстное сочувствие – редкость в мире: в нем нет места слабым, бедным и обездоленным. Я заметил, что люди, которые еще несколько дней назад гордились бы, что могут меня поддержать, теперь отвернулись, хотя ни в

чем не знали нужды. Сталкиваясь с такими вещами, я порой думал, что мир – творение дьявола. Однажды, устав и стерев ноги, я присел в тени памятника Охтерлони [теперь Шахид Минар] на Майдане. В тот день со мной была пара друзей, а, может, я случайно встретил их в том месте. Я отчетливо помню, как один из друзей, чтобы меня утешить, стал петь: «Здесь дует ветер, дыхание *Брахмана*, и можно ощутить Его милость!» Его слова словно обухом ударили меня по голове. Я вспомнил о бедственном положении своей матери и братьев и воскликнул в горькой тоске и отчаянии: «Может быть, хватит петь? Такие фантазии, наверное, радуют тех, у кого богатые родители, и кто не голодает. Да, раньше и я так думал. Но сегодня, когда я увидел жестокую правду жизни, это кажется мрачной насмешкой».

Друга, должно быть, задели мои слова. Едва ли он мог понять, какое страшное несчастье побудило меня так говорить! Иногда, когда я замечал, что дома на всех не хватает еды, а денег больше нет, я притворялся перед матерью, будто меня пригласили на обед или ужин, и почти не ел. Из чувства собственного достоинства я не мог рассказать об этом другим. Обеспеченные друзья иногда приглашали меня к себе домой или в сад, чтобы я спел им. Мне приходилось соглашаться, когда иначе было нельзя, но мне не хотелось рассказывать им о своих печалях, и они сами не пытались выведать о моих трудностях. Некоторые из них порой спрашивали меня: «Что это ты сегодня такой бледный и слабый?» Лишь один

из друзей узнал о моей бедности и время от времени, втайне от меня присылал анонимную помощь моей матери, за что я в большом долгу перед ним.

Некоторые мои старые друзья, которые зарабатывали на жизнь нечестно, предлагали мне работать с ними. Часть из них, которых заставили вступить на этот сомнительный путь неожиданные повороты судьбы, вроде того, который произошел со мной, искренне мне сопереживали. Появились и другие проблемы. Я столкнулся с разными искушениями. Одна богатая женщина сделала мне отвратительное предложение, приняв которое, я мог покончить с нищетой; я сурово и с презрением его отверг. Другая женщина тоже предлагала подобные вещи. Я сказал ей: «Вы впустую растратили жизнь в поисках плотских наслаждений. Перед вами маячат мрачные тени смерти. Готовы ли вы спокойно встретить смерть? Отбросьте эти изменные желания и вспомните о Боге!»

И все-таки, несмотря на подобные неприятности, я не терял веры ни в существование Бога, ни в Его Божественное милосердие. Каждое утро, с Его именем на устах, я вставал и отправлялся искать работу. Однажды мама услышала, как я молюсь, и с горечью сказала: «Замолчи, глупый! С детства взываешь к Богу, и уже охрип от плача, и что Он для тебя сделал?» В мое сознание закрались сомнения. «Существует ли Бог? – думал я – и если да, слышит ли Он пламенные молитвы людей? Почему же тогда Он не отвечает на мои страстные мольбы? Почему в Его благодатном Царстве так много

горя? Почему во владениях милосердного Бога правит Сатана?» В словах *пандита* Ишварчандры Видьясагара – «Если Бог добр и милостив, тогда отчего во время голода миллионы гибнут от нехватки пищи?» – мне слышалась горькая ирония. Я был крайне раздосадован на Бога. А кроме того, это был превосходный момент, чтобы в мое сердце закрались сомнения.

Мне от природы не свойственно действовать тайно. Напротив, с детства я привык не скрывать от других (из страха или других побуждений) даже собственных мыслей. Поэтому, естественно, я начал доказывать всему миру, что Бог – миф, или даже если Он существует, взывать к Нему бесполезно. Вскоре стали поговаривать, что я атеист и не брезгую выпивкой и даже заглядываю в дома, пользующиеся дурной славой. Такая незаслуженная клевета еще больше ожесточила мое сердце. Я открыто заявил, что не стоит осуждать человека, который в мире, полном несчастий, хочет отдохнуть от них, готов прибегнуть к любым средствам; мало того, если я однажды буду убежден, что это работает, то не стану из-за страха перед людьми избегать таких средств.

Вскоре до ушей Учителя и его преданных в Калькутте дошли новости об этом, хотя и в искаженном виде. Некоторые преданные приходили ко мне, чтобы самолично узнать, что происходит, и намекали, что верят, по меньшей мере, некоторым слухам. Когда я понял, что они могут считать меня способным на такую низость, мое сердце переполнило чув-

ство уязвленной гордости. В крайнем раздражении, я дал им понять, что верить в Бога из страха перед адом – трусость, и стал спорить с ними о Его существовании, подкрепляя свои аргументы цитатами из трудов западных философов. В итоге они оставили меня в покое, убедившись, что я безнадежен – и я был рад этому. Когда я подумал, что Шри Рамакришна тоже может верить слухам, мне стало очень больно. «Ерунда, – сказал я себе, – если мнение о человеке (плохое или хорошее) зиждется на таком шатком основании, оно меня не волнует». И я был изумлен тому, что узнал позднее. Учитель сначала холодно воспринял эту новость, ничего о ней не сказав. Но когда один из его любимых учеников, Бхаванатх, обратился к нему со слезами на глазах: «Почтенный, я не мог себе вообразить, что Нарендра может так низко пасть», он пришел в ярость и сказал: «Молчи, глупец! Мать сказала, что такого не может быть. Если ты еще раз об этом скажешь, я не смогу на тебя смотреть».

Однако, вопреки этому вынужденному атеизму, яркие воспоминания о видениях Бога, посещавших меня с детства, и особенно после знакомства со Шри Рамакришной, привели меня к мысли, что Бог должен существовать и что можно так или иначе постичь Его. Иначе жизнь будет лишена смысла. Несмотря на все эти беды и несчастья, я должен найти этот путь. Пролетали день за днем, а мой ум всё колебался между сомнениями и уверенностью. И мне всё еще надо было заботиться о пропитании.

Кончилось лето, начался сезон дождей. Я продолжал искать работу. Однажды вечером, после голодного дня, проведенного под дождем, я возвращался домой; мое тело утомилось, сознание было измучено; усталость взяла верх, и, не в силах больше идти, я опустился на цоколь какого-то дома возле дороги.

Кажется, на некоторое время я перестал что-либо чувствовать. Голову наполняли разные мысли, а я слишком ослаб, чтобы отгонять их и сосредоточиться на чем-то одном. Вдруг я ощутил, как некая божественная сила снимает покровы с моей души, один за другим. Все мои прежние сомнения относительно сосуществования божественной справедливости и милосердия, причин появления страдания в творении блаженного Провидения, сами собой растворились. В глубокой рефлексии я постиг смысл этих вопросов и был доволен ответами. Возвращаясь домой, я заметил, что от усталости в теле не осталось и следа, а в сознании появилась ясность, удивительная сила и спокойствие. Ночь была уже на исходе.

С тех пор меня перестали волновать похвалы и порицания мирян. Я был уверен, что родился не для того, чтобы, как обычные люди, работать и содержать семью, а тем более не для поиска чувственных удовольствий. Я начал втайне готовиться к отречению от мира, как мой дед. Я выбрал день, в который это сделаю, и обрадовался, узнав, что в тот самый день в Калькутту должен приехать Учитель. «Какая удача, –

подумал я, – я уйду из мира с благословения Гуру». Когда я встретился с Учителем, он стал настаивать на том, чтобы я переночевал у него в Дакшинешваре. Я выдумывал разные отговорки, но всё было тщетно. Мне пришлось поехать с ним. В экипаже мы почти не говорили. Когда мы добрались до Дакшинешвара, он усадил меня в своей комнате вместе с другими учениками и в какой-то момент погрузился в транс. Вот он подошел ко мне и, очень нежно дотронувшись до меня, запел песню со слезами на глазах:

«Я боюсь говорить, но и молчать тоже. Мой ум полон сомнений, я не хочу потерять тебя – о, мой Раи, не хочу потерять тебя».

Долго я подавлял свои чувства, но теперь не смог сдерживать слез. Я понял, почему Учитель поет эту песню – он знал о моих намерениях. Слушателей восхитили чувства, которые мы проявили друг к другу. Когда Учитель вернулся в обычное состояние, некоторые стали спрашивать его, что произошло. Он с улыбкой отвечал: «О, это наше с ним личное дело». Позднее, вечером, он отпустил остальных и, подозревая меня к себе, сказал: «Я знаю, что ты пришел, чтобы служить Матери, и не сможешь жить мирской жизнью, но ради меня, прошу, не уходи от мира до моей смерти». Сказав это, он снова расплакался. На следующий день с его разрешения я вернулся домой. Мысли о том, как содержать семью, заполнили мою голову. Я снова стал искать работу. Работа в адвокатской конторе и переводы книг едва позволяли мне

сводить концы с концами – перебиваясь с хлеба на воду, без регулярного заработка. У меня не было постоянного дохода, который позволил бы содержать мать и братьев.

Однажды меня осенило, что Бог слышит молитвы Шри Рамакришны; почему бы мне не попросить его помолиться за меня Богу, чтобы тот избавил меня от нужды – в этом Учитель никогда не откажет! Я поспешил в Дакшинешвар и стал настаивать, чтобы Учитель обратился к Богу от лица моей голодающей семьи. Он ответил: «Мой мальчик, я не могу подобного требовать. Почему бы тебе самому не пойти и не попросить об этом Мать? Причина всех твоих страданий в том, что ты Ею пренебрегаешь». Я сказал: «Я не знаю Мать; прошу, обратитесь к Ней от моего имени. Вы должны это сделать». Он ласково отвечал: «Дорогой мальчик, я делал это много раз. Но ты не принимаешь Ее, и Она не исполняет моих просьб. Сегодня вторник – ночью иди в храм Кали, преклони колени перед Матерью и проси у Нее любой дар. Она даст тебе то, что ты хочешь. Она – Абсолютное Знание, Непостижимая Сила *Брахмана*. Своей волей Она породила этот мир. В Ее власти дать тебе, что угодно». Я поверил его словам и с нетерпением ожидал ночи. Около девяти часов вечера Учитель сказал, что пора идти в храм. По пути меня охватило божественное опьянение. Я едва держался на ногах. Сердце трепетало, предвкушая радость от созерцания живой Богини и Ее слов. Эта идея заполнила мое сознание. Добравшись до храма и взглянув на Ее образ, я действитель-

но увидел, что Божественная Мать – живая и сознающая, что Она – неиссякаемый родник Божественной Любви и Красоты. Меня захлестнула волна преданности и любви. В радостном экстазе я снова и снова склонялся перед Матерью и молил: «Мать, дай мне способность различать! Даруй мне отречение! Даруй мне знание и преданность! Позволь мне постоянно видеть Тебя!» Мою душу наполнил безмятежный покой. Я совершенно забыл о мире. В моем сердце сияла лишь Божественная Мать.

Когда я вернулся, Учитель спросил меня, помолился ли я Матери об избавлении от мирских нужд. Этот вопрос застал меня врасплох, и я ответил: «Нет, почтенный, я совсем об этом забыл. Можно ли теперь что-нибудь сделать?» «Иди в храм, – сказал он, – и расскажи Ей о том, в чем нуждаешься». Я снова пошел в храм, но при виде Матери опять забыл о своей задаче, я многократно склонялся перед Ней и молил лишь о любви и преданности. Второй раз Учитель спросил, удалось ли мне обратиться с просьбой. Я рассказал ему о том, что случилось. Он воскликнул: «У тебя ветер в голове! Неужели ты не можешь выдать из себя несколько слов? Что ж, попробуй снова обратиться к Ней. Поторопись!» Я пошел в храм в третий раз, но стоило мне войти туда, как мое сердце переполнил страшный стыд. Я подумал: «И я пришел молить Мать о таком пустяке! С таким же успехом можно просить у милостивого царя немного овощей! Какой же я дурак!» Со стыдом и раскаянием я снова почтительно скло-

нился перед Ней и сказал: «Мать, я прошу тебя только о знании и преданности». Покидая храм, я понял, что всё это случилось по воле Учителя. Как иначе могло выйти, что целых три раза у меня ничего не получалось? Я пришел к нему со словами: «Учитель, вы околдовали мой разум, поэтому я обо всем забыл. Теперь, пожалуйста, будьте милостивы, сделайте так, чтобы мои домашние избавились от этой страшной нищеты». Он отвечал: «Я никогда не молюсь о таких вещах. Я просил, чтобы ты сам помолился, но у тебя ничего не вышло. Видимо, тебе не суждено получить мирское счастье. Что ж, ничего не поделаешь». Но я не отступал от своего. Я настаивал, чтобы он помолился об этом. Наконец, он сказал: «Ладно, твои домашние никогда не будут нуждаться в простой пище и одежде» [30].

Сколько раз он молился обо мне Божественной Матери! После смерти отца, когда у нас дома было шаром покати, и мои мать, сестры и братья голодали, Учитель молил Божественную Мать дать мне денег... Но деньги не появились. Тогда Учитель рассказал мне, что ответила ему Божественная Мать: «Он получит простую пищу и одежду. Он будет есть рис и дал¹⁰».

Он так любил меня! Но стоило нечистой мысли закрасться в мой ум, как он сразу это понимал. Когда я общался с Аннадой, то иногда попадал в дурное общество. В таких слу-

¹⁰ Индийский суп из маша или чечевицы, с добавлением овощей и специй. – *Прим. ред.*

чаях Учитель не мог принимать от меня пищу. Он мог только приподнять руку, но поднести ее ко рту не получалось. Однажды так случилось, когда он болел; он поднес руку к самому рту, но ничего не съел. Он сказал мне: «Ты еще не готов» [31].

Шри Рамакришна был единственным, кто с момента нашего знакомства никогда не переставал в меня верить – даже мать и братья иногда теряли веру в меня. Я навечно привязался к нему именно потому, что он непоколебимо верил в меня и любил меня. Он один знал, что значит любить. Миряне только делают вид, что любят, хотя преследуют эгоистичные цели [32].

Как я ненавидел когда-то Кали и Ее волю! Именно потому шесть лет я так мытарствовал – я никак не мог Ее принять. Но в итоге мне пришлось это сделать. Рамакришна Парамахамса посвятил меня Ей, и теперь я убежден, что Она во всем направляет меня, даже в мелочах, и делает с моей жизнью то, что хочет!... И все же я так долго боролся! Конечно, я любил Учителя, и это меня удерживало. Я видел его чудесную чистоту... ощущал его чудесную любовь... Тогда я еще не сознавал, насколько он велик. Это сознание пришло позднее, когда я сдался. В то время я считал, что он помешанное дитя – которому являются видения, и всё в этом роде. Я ненавидел такие вещи. А затем и мне пришлось принять Ее!

Да, причина, по которой я ее принял – тайна, которую я унес с собой в могилу. Тогда меня постигло большое несча-

стье... И это был шанс... Она сделала из меня невольника. Именно такие и были слова: ты – невольник. И Рамакришна Парамахамса передал меня Ей... Странно! После этого он прожил всего два года, и всё это время в основном страдал. Всего полгода он оставался в добром здравии и сохранял сияние [33].

Никогда не стоит жалеть о своей несговорчивости! Шесть лет я боролся с Учителем, а потому знаю каждый дюйм этого пути! Каждый дюйм! [34]

Моя преданность Учителю – собачья преданность. Очень часто я ошибался, а он всегда был прав, и теперь я слепо верю его суждениям [35].

Шьямпукур, 27 октября 1885 г. Мы считаем [Шри Рамакришну] богоподобной личностью. Знаете... на что это похоже? Между растением и животным есть переходный момент, когда очень трудно определить, к какому роду отнести конкретное существо – к растениям или животным. Точно так же существует промежуточная ступень между миром людей и богов, где крайне трудно сказать о конкретной личности – человек это или Бог... Я не утверждаю, что он Бог. Я говорю, что он богоподобный человек... Мы почитаем его, и это почитание граничит с поклонением Богу [36].

Коссипор, 4 января 1886 г. Я думаю сегодня поехать туда [в Дакшинешвар]... Я хочу разжечь под деревом костер и медитировать... Мне станет значительно легче, если найду

средство, которое поможет мне забыть всё, что я изучил [37].

Коссиор, 4 января 1886 г. В прошлую субботу я медитировал здесь, и вдруг ощутил в сердце нечто необычное... Наверное, [пробудилась *Кундалини*]. Я ясно почувствовал каналы *иду*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.